

Н.В. Ростиславлева

Историческое знание в Германии XIX века: между философскими вызовами и историзмом

В статье рассматриваются особенности познания прошлого историками Германии XIX в. Показано, какое влияние оказали на немецкую историографию схемы Просвещения, как и почему происходило их преодоление, почему «метод Ранке» обрел в Германии огромную популярность, а созданная им школа стала своеобразным фильтром, не допускавшим вторжения философии в историческое познание, что проявилось в масштабной дискуссии академического сообщества против историка-позитивиста К. Лампрехта. Автор показывает ее значение для развития исторического знания Германии в XX в.

Ключевые слова: историческое знание Германии XIX в., Гейдельбергская школа, школа Ранке, К. Лампрехт.

Европейский XIX век прошел под знаком расцвета исторического знания. Пальма первенства в развитии исторических штудий, без сомнения, в XIX в. принадлежала немецким ученым, которые продемонстрировали как виртуозную работу с источниками, так и оригинальное освоение философского наследия.

В Германии становление истории как науки связано с профессором Гёттингенского университета А.Л. Шлёцером (вторая половина XVIII в.), который посещал Россию и внес немалый вклад в формирование норманнской теории. Он востребовал инструментарий эпохи Просвещения и подходил к истории с рационалистических позиций. В фокусе его внимания находилась история государства и права, он активно использовал в своих работах статистику, без которой, по его мнению, не было истории. В духе века Просвещения и его кумира Вольтера, Шлёцера интересовала всеобщая история, границы которой были существенно расширены Вольтером, включившим в всемирно-историческую схему такие страны, как Индия и Китай. Гёттингенский историк начал писать свою всеобщую историю, но опубликовал только первые три тома.

Философия рационализма была для Шлёцера основой в выстраивании своей схемы всеобщей истории.

В XIX в. историческое знание не могло остаться в стороне от дискуссий о влиянии просветительских конструкций на познание прошлого. «Король философов» Вольтер провозгласил важнейший принцип историографии Нового времени: «Историку нужно быть философом»¹. Со второй половины XIX в. Европу захлестнуло увлечение философией позитивизма, которое не обошло и Германию. На осмысление истории повлияла философия Шеллинга и Гегеля. С другой стороны, именно немецкая историческая наука продемонстрировала образцы историзма. Как писал Ф. Мейнеке, «это движение (к историзму. – *Н. Р.*) продолжало следовать по великому общеевропейскому пути, и венец достался немецкому духу. Он совершил тем самым свое второе великое дело после Реформации»².

В XVIII в. с позиции разума пытались объяснить все сферы человеческой жизни. Созданные на основе разума проекты общественного и государственного переустройства в отрицании традиции видели правильный и наиболее короткий путь к их реализации. Французская революция конца XVIII в. вызвала среди мыслителей разочарование в возможностях разума и стала началом конца популярности философии рационализма. Чем определялась приверженность отдельных немецких историков XIX в. философским схемам Просвещения?

Карл фон Роттек (1765–1840) – известный либеральный политик и историк из Великого герцогства Баден – был назван немецким философом В. Диппелем последним рационалистом XVIII в.³ Исторические сочинения баденского либерала – это наглядный пример проникновения рационализма в трактовку всемирной истории. В его девятитомной «Всеобщей истории» есть глава «Философия истории. История истории», где он писал: «Философия вдыхает в историю жизнь и позволяет современникам использовать ее опыт»⁴.

В духе Просвещения Роттек с пиететом относился к идее прогресса. Он замечал: «У человечества есть детство, затем оно становится старше и не возвращается больше к колыбели»⁵. Критерием прогресса историк считал достижения в культуре⁶, проявление большего гуманизма к людям. Идея гуманности как важного качества человеческого рода, которое отличало его от мира животных, была высказана И.Г. Гердером⁷, который таким образом уже начал освобождаться от оков рациональности и продвигаться в направлении романтической историографии. В творчестве Роттека идеал гуманности был связан с культурными достижениями

человечества. Однако приоритетным для него оставалась основанная на рационалистических выкладках теория естественного права, которое он называл в своих работах разумным правом. Баденский либерал писал: «...без знания разумного права собственно история имеет только полцены, так как ей будет не хватать яркой идеи для понимания и оценки исторических событий»⁸. Эта теория была фундаментом всей системы общественно-политических взглядов Роттека⁹. Как либеральный политик он стремился свои идеи осуществить на практике, а рационализм был для него важной основой для разрыва с традицией. Поэтому он выстраивал всемирно-историческую схему на основе философии рационализма. По его мнению, в изучении всеобщей истории важнее результат исторического процесса, нежели отдельные факты, которые должны быть всего лишь основой для философских умозаключений. Историк – более воспитатель, чем ученый, поэтому Роттек считал возможным не использовать источники при создании своих сочинений, а обращался к опубликованным трудам, отбирая материал с позиции своих идейных и политических ориентиров¹⁰. Воспринимаемая идеалы гуманности, историк в согласии с Гердером делал шаг навстречу романтизму, который рассматривал прошлое как преддверие настоящего. Именно так он воспринимал некоторые сюжеты Средневековья, не отвергая, как это делали просветители, его достижений.

В первой половине XIX в. изучение истории стало популярным и востребованным поприщем деятельности. Самые сильные умы Германии проявляли интерес к ней. Это не случайно, так как после Наполеоновских войн немецкие интеллектуалы, стремившиеся к созданию единого государства, обдумывали основы национальной идентичности, не упуская из виду роль Пруссии и прусского государства в этом. Такие немецкие историки, как Ф.К. Шлоссер, Ф.К. Дальман, Г. Гервинус, И.Г. Дройзен и, конечно, великий Л. фон Ранке, обрели общеевропейскую известность. История стала в Германии наиболее популярной сферой гуманитаристики, а историки – властителями дум немецкого общества. Отсутствие политического единства сказалось на гетерогенности ориентиров историков и наличии различных школ и направлений.

Морально-прагматический подход к истории можно обнаружить в исторических трудах Фридриха Кристофа Шлоссера (1776–1861), который тяготел к Канту. Наиболее известные труды Шлоссера – это восемнадцатитомная «Всемирная история» и восьмитомная «Истории восемнадцатого столетия», которые были переведены на русский язык и отредактированы Н.Г. Чернышевским¹¹. Созданная Шлоссером историческая школа часто обоз-

начается как Гейдельбергская. К ней относились такие историки, как Л. Гейссер, Г. Гервинус, В. Циммерман, близок к ней был и Ф.К. Дальман. В согласии с идеалами Просвещения они создавали «Всеобщие истории», но это уже не является маркером их приверженности схемам Просвещения, так как, например, тот же Шлоссер при написании своей «Всемирной истории» использовал источники и стремился к достоверности, а не к реализации философской схемы. Историки Гейдельбергской школы интересовались хронологически близкими к ним сюжетами. В фокусе их познавательных интересов находились Французская революция конца XVIII в.¹², эпоха Реформации в Германии и иные революции Нового времени. Однако это школа практически утратила свое значение после смерти своего лидера. Что касается Дальмана, то он получил известность и как историк, и как политик независимо от Гейдельбергской школы.

Ф.К. Дальман (1785–1860) – известный историк и политик немецкого Севера – был самостоятельной фигурой. Основа его познания истории – это политика и прежде всего нерешенный шлезвиг-гольштейнский вопрос. Эти герцогства находились в XIV в. под властью Дании, но были преимущественно населены немцами. Он начал свою карьеру историка в Кильском университете, где читал лекции по истории античности, но параллельно занимался исследованием истории Севера Европы, прежде всего датского королевства. Его лекции не содержали в себе исследовательской компоненты, но были заострены на проблемах, которые волновали северных немцев. Взгляд Дальмана на историю отличается от роттековских представлений. История для него – это не предмет для философских абстракций и «априорных пророчеств будущего»¹³.

Дальман интересовался важнейшими для Севера Германии темами. В духе Гейдельбергской школы, он считал, что только Реформация XVI в. создает условия для универсальной истории, отвергая при этом просветительский взгляд на историю, превращавший ее во вспомогательную дисциплину, и критикуя антиисторизм Просвещения¹⁴. Дальман считал, что историю «необходимо изучать вместе с политикой и правом... поэтому политика должна изучаться так же, как и другие науки»¹⁵. Необходимость решения Шлезвиг-Гольштейнского вопроса, выбор пути продвижения к единому германскому государству стали основами познания истории для Дальмана. Он сумел одним из первых сформулировать актуальную для XIX в. проблему «историк и политика» и сам добился практически равного признания и как историк, и как политик.

Руководствуясь политическими приоритетами, он утверждал, что Шлезвиг и Гольштейн – это датская территория, но что ему невозможно понять жителя герцогств, который бы назвал себя датчанином, поскольку герцогства – не отечество для датчан, а часть нашего отечества¹⁶. Тема герцогств была в центре коллоквиума «Historia patriæ», который он организовывал ежегодно.

Одновременно Дальман создавал труды как довольно профессиональный историк. Его двухтомный труд «Исследования в сфере истории», опубликованный в 1822–1823 гг., отличается обширная источниковая база и использование филологического метода критики источников¹⁷. Работу «О Кимоновском мире»¹⁸ антиковеды считают одной из самых удачных. Дальман проверил достоверность сообщений о заключении мира между Афинами и Персией, которое состоялось в V в. до н. э. Мир называется по имени сына Мильтиада Кимона, одержавшего над персами в 466 г. до н. э. двойную победу (на суше и на море) в устье реки Эвримедонте. Историк сопоставил данные Фукидида, Геродота, Платона, Плутарха и Сократа и, проявив взвешенное доверие к источникам, подчеркнул, что, скорее всего, это был не мир (греко-персидские войны окончательно завершились Калиевым миром 449 г. до н. э.), а перемирие, а Кимонов мир обязан своим происхождением риторической традиции¹⁹. Это достижение Дальмана до сих пор сохраняет свое значение в антиковедении.

В 1830 г. уже как профессор Гёттингенского университета историк опубликовал знаменитое в дальнейшем «Источниковедение немецкой истории»²⁰, что подтверждает амбивалентность его ориентиров. В 1840 г. появилась трехтомная «История Дании» (1840 г.)²¹, в которой сочетается использование метода Ранке и политический запрос либералов немецкого Севера. В создании этой работы он использовал такие источники, как сага и исландская поэзия, отмечая, что «некоторые исторические элементы, которые содержатся в сагах, может быть, исчезнут, но останутся зерна, которые до сих пор оплодотворяют историю»²². С другой стороны, историк писал: «Лично у меня нет особой любви к предмету моих занятий, но хотелось бы изучить те отношения между герцогствами и королевством, которые показывают, как сложилось их взаимное неприятие»²³. Найти истоки формирования Шлезвиг-Гольштейнского вопроса, наметить пути его решения – это те проблемы, которые волновали современную Дальману Германию.

Политический запрос немецкого общества отчетливо читается в его работах «История английской революции» (1844 г.) и «История французской революции до учреждения республики» (1845 г.)²⁴. С 1844 по 1848 г. «История английской революции»

выдержала пять изданий, но заслужила критику профессионального сообщества, прежде всего из-за многочисленных фактических ошибок²⁵. Это было время, когда Ранке и его ученики уже имели прочные позиции в исторической науке Германии. Более того, анализ сетей цитирования историков Гейдельбергской школы показывает, что даже среди ближайших учеников Шлоссера, например, в трудах Л. Гейсера, преобладали сноски на произведения Ранке²⁶, что заставляет признать, что она во второй половине XIX века занимала лидирующие позиции.

Историческая школа Ранке, или Берлинская школа, продолжает вызывать интерес современных исследователей²⁷. Л. фон Ранке (1795–1886) был родом из Тюрингии. Изучал богословие в университетах Лейпцига и Гале, его профессиональная деятельность связана с Берлинским университетом. В 1841 г. он был назначен придворным историографом. Его историческое наследие состоит из более чем 50 томов. В русских переводах выходили только некоторые сочинения Ранке («Об эпохах новой истории», «Три Габсбурга», «История Сербии», «Государи и народы Южной Европы», «Римские папы в последние четыре столетия»). Из семинара Ранке вышли такие известные историки, как Г. Зибель, Г. Вайтц, Ф. Гизебрехт, Г. Гирш и др.

Взлет Ранке как историка начался в 1824 г., когда тот опубликовал свой первый труд «История романских и германских народов в 1494–1535 гг.» с сопутствующим источниковедческим очерком «К критике новейших историков»²⁸, где представил свой подход к анализу источников, который вскоре среди историков стал обозначаться как метод Ранке. Суть метода – показать, как это собственно было, не навязывая никаких философских схем, а твердо следуя принципу, что «истинное учение заключается в познании фактов»²⁹.

В этом очерке он показал, как историк может установить объективность и историческую правду, привлекая дополнительные источники, выясняя их происхождение, изучая биографии авторов, определяя достоверность каждого источника и, конечно, сравнивая их. Он понимал, как трудно найти истину, «отделить от правды ложь и из различных известий выбрать то, которое в самом деле заслуживает предпочтения»³⁰. Метод возник не на пустом месте. Ранке опирался на методику филологического анализа Вольфа и Б.Г. Нибура. Другие историки применяли его как бы на ощупь (например, Шлоссер), тогда как Ранке «отвлек его от бессознательного фактического применения и обобщил в логическую формулу, которую отныне школьным путем можно было передать целому поколению второстепенных историков»³¹. Как отмечал еще в начале XX века В.П. Бузескул: «...критический метод Ранке

сводится к тому, чтобы держаться как можно больше источников. <...> ...строгое описание фактов, как бы условно и некрасиво оно ни было», для него «высший закон»³². В 1825 г. Ранке пришел в качестве профессора в Берлинский университет, где произвел «революцию» в историческом образовании.

Важный элемент его занятий со студентами – это научное развитие самого преподавателя³³. В рамках исторического семинара Ранке студенты Берлинского университета изучали источники, они сами выбирали темы, но эти темы хорошо вписывались в научные интересы профессора. Ранке давал студентам конструктивные указания в изучении источников и, обсуждая с ними их научные результаты, корректировал тем самым и свои исследовательские изыскания. Абсолютно правомерно по этому поводу Я. Буркхардт замечал, что в семинаре Ранке в смысле каких-то результатов ничего не выходило, но «при этом было огромное преимущество, мы постигали исторический метод»³⁴.

Другое крупное достижения Ранке – это активное использование архивных источников. К известным и хорошо использовавшимся нарративным источникам он прибегал в крайнем случае и только в качестве вспомогательных средств. Преимущественный его интерес к истории международных отношений и внешней политики объяснялся и тем, что именно по этой теме было много архивных источников. Практически все свои многочисленные труды он написал на архивных материалах.

В истории исторического знания за Ранке закрепился имидж объективного историка³⁵, но это скорее прокламирование, так как тот понимал невозможность абсолютной объективности, но полагал, что историк должен стремиться к ней.

Ранке как историк не поддается, на наш взгляд, жесткой дефиниции. Он гораздо масштабнее и полностью не вписывается в четкие рамки. Идеал прогресса был также ему не чужд. Прогресс, по его мнению, осуществляется не по прямой линии, скорее это был поток, который по-своему прокладывает себе дорогу, «каждая эпоха стоит в непосредственном отношении к Богу и ее ценность основана вовсе не на том, что из нее выйдет, а на ее существовании, на ее собственном Я». Историк подчеркивал индивидуальность, самоценность любой эпохи и выступал против какой-либо генерализации в истории³⁶. Историк писал: «Каждая эпоха имеет собственную тенденцию. Свой собственный идеал, но нельзя упускать из виду того, что вышло из этой эпохи»³⁷.

Работа Ранке «Об эпохах новой истории» иллюстрирует, что обобщения были не чужды историку. Сочинение состоит из девятнадцати лекций, которые были прочитаны баварскому королю

Максимилиану II. В лекциях отражен огромный пласт всеобщей истории: от Римской империи до Второй империи во Франции. Лекционная форма изложения материала заставляла Ранке кратко и точно формулировать суть эпохи, создавать ее образ-символ и обязательно определять перспективные линии. Так, ключевые идеи, характеризующие наполеоновскую эпоху: революция и Наполеон. Наполеон – гений в области управления и преемник Карла Великого», «несчастный поход в Россию», угасание эпохи.

В своем последнем фундаментальном труде «Всемирная история» Ранке не хотел опускать оценки. Это сочинение осталось незаконченным. Подбор материала характеризует позицию автора – прежде всего того интересует происхождение романо-германских народов, взлет и падение Германской империи. Работа осталась незаконченной из-за смерти историка. В этой связи важны замечания Э. Трельча о том, что не может быть чисто созерцательной всемирной истории и «Всемирная история» Ранке не составляет исключения из этого правила³⁸. Индивидуальное, однократное – это те ценности, которые в конце XIX в. были реанимированы представителями баденской школы неокантианства.

С появлением позитивизма и история вновь испытала влияние философии.

Карл Лампрехт (1856–1915) – немецкий историк-позитивист – выступил за пересмотр самого предмета истории. Его главный труд «История Германии» вызвал резкую критику со стороны профессионального сообщества Германии. По мнению таких известных историков, как Г. фон Зибель, М. Ленц, Ф. Рахфал, Г. Онкен, Ф. Мейнеке, Г. фон Белов, без изучения государства истории как науки и нет вовсе. Немецкие историки видели основу единения немцев в единстве политической культуры. Это было основой в изучении прошлого исторической школой Ранке, а позже историками-малогерманцами во главе с Г. Трейчке, которые прославляли прусское государство. Лампрехт не уделил должного внимания государству, сосредоточившись на экономических и культурных вопросах развития Германии³⁹, и его критиковали за материализм, многочисленные фактические ошибки, неуважение к Ранке, не принимали мнение автора о связи гуманитарного знания и естественных наук. Только Ф. Мейнеке понял, что Лампрехт использует новую методологию, но сам отвергал позитивистский подход к познанию истории и продолжал настаивать на приоритете политической истории и необходимости ее познания с позиций историзма. Он писал: «Ядром историзма является замена генерализирующего способа рассмотрения исторических и человеческих сил рассмотрением индивидуализирующим⁴⁰.

Именно торжество принципов школы Ранке, огромное влияние на профессиональное сообщество таких историков-неоранкеанцев, как Ф. Мейнеке, О. Хинтце, привело германское историческое сообщество к отказу от осмысления новых моделей познания истории и к довольно поздней институционализации социальной истории как влиятельного направления исторической науки. Немецкое историческое знание вплоть до 1960-х гг. проявляло повышенный интерес к истории государства, его институтам, внешней политике и приписывало именно ему главную роль в развитии и успехах Германии, что, очевидно, оказало влияние на трагичность развития страны в XX в.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. М.: Наука, 1980. С. 5; см. об этом также: *Ростиславлева Н.В.* Зарождение либерализма в Германии: Карл фон Роттек. М.: РГГУ, 1999. С. 70–71.
- ² *Мейнеке Ф.* Возникновение историзма. М.: РОССПЭН, 2004. С. 6.
- ³ Цит. по: *Ростиславлева Н.В.* Германские либералы первой половины XIX века. М.: РГГУ, 2010. С. 68.
- ⁴ *Rotteck C., von.* Allgemeine Geschichte. Vom Anfang der historischen Kenntniss bis auf unsere Zeiten / Bearb. von Carl von Rotteck. Freiburg i. Br., 1834. 9 Bde. Bd. 1. S. 27 (далее – AG).
- ⁵ Цит. по: *Ganter E.* Karl v. Rotteck als Geschichtsschreiber. Freiburg i. Br., 1908. S. 107.
- ⁶ Роттек довольно широко толковал понятие «культура», включая в него государственное устройство и формы правления, законы и обычаи, развитие ремесла и торговли, религию, науку и искусство. См.: *Rotteck C., von.* AG. Bd. 1. S. 233.
- ⁷ См.: *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.
- ⁸ *Rotteck C., von.* Lehrbuch des Vernunftsrechts und der Staatswissenschaften. Stuttgart, 1829–1835. 4 Bde. Bd. 1. S.84 (далее – LdV).
- ⁹ См. о взглядах К. фон Роттека: *Ростиславлева Н.В.* Зарождение либерализма в Германии.
- ¹⁰ В основном Роттек использовал труды по всеобщей истории: *A general history of the world of empires etc.* / by W. Guthrie esg. J. Gray. London, 1764–1767; *Gatterer J.K.* Handbuch der Universalgeschichte. Göttingen, 1765; *Elémens de l'histoire générale* par l'Abbé Millot. Paris, 1772; *Schlözer A.L.* Vorstellung der Universalgeschichte. Göttingen, 1772; *Müller I., von.* Vier-und-zwanzig Bücher allgemeiner Geschichte, besonders der europäischen Menschheit. Tübingen, 1817; *Schlosser F.C.* Weltgeschichte in zusammenhängerer Erzählung. Frankfurt/M., 1815–1824, Роттек также привлекал сочинения по отдельным периодам, например: *Bachmeister St.L.* Beiträge zur Geschichte Peters des Großen. Riga, 1774–1794.

- ¹¹ См.: *Шлоссер Ф.К.* Всемирная история: В 18 т. СПб., 1861–1879; *Он же.* История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи: В 8 т. 2-е изд. СПб., 1868–1871.
- ¹² *Гейссер Л.* История французской революции. М.: Ленанд, 2018. 536 с.; *Он же.* История реформации: В 4 т. М.: URSS, 2015; *Он же.* История Реформации. Т. 4. Реформация и революция в Англии. М.: URSS, 2015; *Гервинус Г.Г.* История девятнадцатого века: от времени Венского конгресса: В 3 т. СПб.: Тип. О.И. Бакста, 1873–1887.
- ¹³ См. об этом подробнее: *Springer A. Friedrich Christoph Dahlmann.* Leipzig, 1870–1872. 2 Bde. Bd. 1. S. 69–71.
- ¹⁴ См. подробнее: *Ростиславлева Н.В.* Германские либералы первой половины XIX века. С. 240.
- ¹⁵ Цит. по: *Springer A.* Op. cit. Bd. 1. S. 73.
- ¹⁶ *Ростиславлева Н.В.* Германские либералы первой половины XIX века. С. 225–299.
- ¹⁷ *Dahlmann F.C.* Forschungen auf dem Gebiete der Geschichte. Altona, 1822–1823. 2 Bde.
- ¹⁸ *Dahlmann F.C.* Über den Cimonischen Frieden // Ibid. Bd. 1.
- ¹⁹ См. об этом подробнее: *Ростиславлева Н.В.* Германские либералы первой половины XIX века. С. 243–244.
- ²⁰ *Dahlmann F.C.* Quellenkunde der deutschen Geschichte. Göttingen, 1830.
- ²¹ *Dahlmann F.C.* Geschichte von Daennemark. Hamburg, 1840–1843. 3 Bde. В предисловии ко второму тому издания историк объясняет, почему именно такое написание Дании (правильное написание – Daenemark) он предложил в названии работы: это дань средневековой традиции, так пишут шведы, но главное – так говорят в Шлезвиге и Гольштейне и повсюду на датском побережье Балтийского моря. См.: *Geschichte von Daennemark.* Bd. 2. S. VIII.
- ²² Ibid. Bd. 1. S. 14.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ *Dahlmann F.C.* Geschichte der englischen Revolution. Leipzig, 1844; *Dahlmann F.C.* Geschichte der französischen Revolution bis auf die Stiftung der Republik. Leipzig, 1845.
- ²⁵ См. об этом подробнее: *Gumplach J., von.* Erläuterung und Berichtigungen zu Dahlmanns Geschichte der englischen Revolution. Die Tudors. Darmstadt, 1845. См.: *Springer A.* Op. cit. Bd. 2. S. 149–150.
- ²⁶ *Гейссер Л.* История реформации. С. 89, 97, 111, 114, 121, 175, 186, 195, 262, 328, 502 и т. д.
- ²⁷ *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997; *Мяжков Г.П.* «Нестор немецкой историографии» или «камердинер истории»? Историки России в спорах о Ранке // Диалог со временем. 2001. № 6. С. 40–79; *Iggers G.* Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert. Ein kritischer Überblick im internationalen Zusammenhang. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. S. 25–29.
- ²⁸ *Ranke L., von.* Geschichte der romanischen und germanischen Völker. Zur Kritik neuer Geschichtsschreiber. Leipzig: Dunker und Humblot, 1884.

²⁹ См.: Ibid.

³⁰ Цит. по: *Бузескул В.П.* Из истории критического метода. Ранке и Штенцель // Известия академии наук СССР. VI серия. 1926. Т. 20. Вып. 12. С. 1124.

³¹ Цит. по: *Биск И.Я.* Методология истории: Курс лекций. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2007. С. 59.

³² Цит. по: *Бузескул В.П.* Указ. соч. С. 1123.

³³ См. об этом подробнее: *Berg G.* Leopold von Ranke als akademischer Lehrer. Göttingen, 1968. S. 51–55.

³⁴ Цит. по: Ibid. S. 55.

³⁵ См. об этом подробнее: *Вебер Б.Г.* Историографические проблемы. М.: Наука, 1974. 336 с.; *Iggers G.* Op. cit. S. 28.

³⁶ См.: *Ростиславлева Н.В.* От Шлоссера к Ранке: Истинная или мнимая прерывность исторического знания. М., 2001. С. 213–220.

³⁷ *Ранке Л., фон.* Об эпохах новой истории. М.: Тип. И.А. Баландина, 1898. С. 4.

³⁸ *Трельч Э.* Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1994. С. 195.

³⁹ См. подробнее о дискуссии вокруг К. Лампрехта: *Ростиславлева Н.В.* Рецепция творчества К. Лампрехта в Германии и России // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2005. С. 177–189.

⁴⁰ *Мейнеке Ф.* Указ. соч. С. 6.